

Шлыкова Елена Викторовна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
shlykova70@yandex.ru

Субъективная оценка безопасности: обоснование и апробация социологического подхода

Аннотация. Исходным является утверждение о взаимосвязи признания приоритета безопасности человека над всеми остальными видами безопасности и поиском новых критериев для её измерения. На основании анализа современных подходов к измерению безопасности продемонстрирована необходимость расширения социологического представления о её субъективной оценке. Обоснован методологический подход к измерению безопасности через риски, нарушающие её статус. На базе данных РМЭЗ НИУ-ВШЭ осуществлена эмпирическая апробация показателя субъективной оценки безопасности в отношении реальных повседневных рисков населения России. Обоснована актуальность разработки комплексного показателя субъективной оценки безопасности на основе междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: безопасность человека; субъективная оценка безопасности; повседневные риски

Shlykova Elena Viktorovna
Institute of Sociology of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
shlykova70@yandex.ru

Subjective security estimation: justification and approbation of the sociological approach

Abstract. The initial point is about the relationship between the recognition of the priority of human security over all other types of security and the search for new criteria for measuring it. Based on the analysis of modern approaches to measuring security, the need to expand the sociological understanding of its subjective estimation is demonstrated. Justifies a methodological approach for measuring the security through risk violating of its status. The RLMS-HSE database was used for empirical approbation of the indicator of subjective security estimation in relation to real everyday risks of the Russian population. The relevance of developing a comprehensive indicator of subjective security estimation based on interdisciplinary research is substantiated.

Keywords: human security; subjective estimation of security; everyday risks

Важнейшая черта современных обществ – возросшая рискогенность среды, детерминированная ростом числа и широким распространением повседневных рисков,

формирует научный запрос на включение оценки безопасности в предметные рамки разных наук.

Несмотря на отсутствие к текущему моменту общенаучного представления о безопасности (очерчены только границы понятия), подходах к её измерению, факторах, её определяющих, отметим общие тенденции в исследованиях безопасности, принятые за основу в общественных и гуманитарных науках. Наиболее важными и, безусловно, взаимосвязанными представляются **признание приоритета безопасности человека над всеми остальными видами безопасности и, в связи с этим – поиск качественно новых подходов к измерению безопасности**, в том числе в эмпирических социологических исследованиях. Именно в рамках обозначенных тенденций развиваются основные научные дискуссии и выявляются новые исследовательские, в том числе, методологические проблемы.

Формирование гуманистической парадигмы безопасности создало необходимые условия для «преодоления государство-центричного взгляда на проблему безопасности, в результате которого место национально-государственного интереса как главной цели политики должна занять безопасность личности» [Козырева, Смирнов, 2019: 457]. Традиционно было принято считать, что общество, не смотря на внутреннюю неоднородность, обладает схожими потребностями и общими интересами в сфере безопасности, поэтому первичная роль в выявлении и защите от угроз на всех уровнях и по всем видам безопасности отводится государству [Коньшев, 2014]. Такой подход связан с огромным числом макро-индикаторов безопасности, что, по мнению экспертов, «растворяет проблему безопасности в общих характеристиках социально-экономического развития» [Биктимирова, 2002: 138] и «едва ли можно указать, что же, собственно, нужно защищать и от кого, и что именно является приоритетом среди множества угроз» [Коньшев, 2014: 45]. В связи с этим важной научной и практической задачей становится **поиск критериев «человеческого измерения безопасности»**.

Специалисты в области анализа и управления риском, используя аппарат теории вероятности, математической статистики, системного анализа и методов нелинейной динамики для прогнозирования последствий крупномасштабных техногенных и природных катастроф на большие группы людей, признали ограниченность своего подхода к прогнозированию социальных катастроф и рисков повседневной жизни, ибо «многие события, порождающие угрозы, опасности, риски, могут описываться на вероятностном языке. Однако сами эти вероятности зачастую подчиняются вполне определенным детерминированным законам» [Воробьёв, Малинецкий, Махутов, 2000: 157], как правило, связанным с психологическими и социальными особенностями человека и не поддающимся прямому, количественному измерению. Другими словами, **задача измерения безопасности человека особенно актуальна в границах психологии и социологии**.

Целевой анализ современной научной психологической и социологической литературы по проблемам измерения безопасности человека показывает следующее.

Ценными общенаучными выводами характеризуются работы научной школы психологии безопасности, сложившейся на базе факультета социальной психологии Гуманитарного университета в городе Екатеринбурге. Коллегам-психологам удалось разработать и апробировать на малых выборках систему критериев социально-психологической безопасности личности и на её основе построить модель, объясняющую существование в обыденном сознании качественно различных представлений о безопасности [Зотова, 2010], обосновать различия потребности в безопасности в группах, различающихся не только по психологическим, но и социально-экономическим признакам [Зотова, 2011]. Адаптация ассоциативных тестов для массового социологического опроса и включение их в анкету общероссийского исследования фонда «Общественное мнение» позволили коллегам сделать выводы, которые, на наш взгляд, могут служить весомой основой для поиска новых и расширения существующих социологических показателей измерения безопасности человека:

- рассмотрение безопасности через субъективное представление является не только продуктивным, но и наиболее адекватным, поскольку состояние безопасности оценивается в соответствии с представлением субъекта о ней [Зотова, 2014];

- на состояние безопасности в целом влияет значительное число факторов, которые имеют специфику для каждого субъекта, и безопасность общества складывается из ощущения безопасности отдельных людей [Зотова, 2018].

Психологи, рассматривая безопасность через особенности субъективного восприятия, решают в первую очередь проблемы психологической защиты личности. Социологи видят свою задачу в выявлении и изучении «факторов и социальных параметров оценки личной безопасности, в разных группах современного российского общества» [Пшидаток, 2011: 45].

Таким образом, важной научной задачей является ***обоснование критериев измерения субъективной оценки безопасности человека в эмпирических социологических исследованиях.***

Обобщение подходов к исследованию безопасности в массовых социологических исследованиях позволяет утверждать, что наиболее часто измерение осуществляется по косвенным показателям, в контексте, не имеющем цели измерение собственно безопасности человека, например: безопасность, как одна из фундаментальных потребностей, оценивается по «шкале достаточности» [Головаха, Панина, Горбачик, 1998]; как одна из сторон жизни, оцениваемая по шкале удовлетворенности [Латова, 2017], как субъективная оценка «опасности» проблем в различных сферах жизни общества [Колесникова, Чуканова, Артюхина, 2015]. Выводы о наличии фактов нарушения безопасности строятся, по сути, на оценке частоты упоминания респондентами того или иного негативного фактора в том или ином контексте упомянутых выше исследований.

Целевые репрезентативные социологические исследования безопасности, как правило, предполагают оценку защищенности населения в рамках отдельного вида или аспекта безопасности, либо соотносятся со страхами, тревогами, опасениями. Например, широкомасштабное изучение репертуара страхов россиян как формы эмоционального реагирования на кризисные явления в обществе [Россия на новом переломе..., 2009], мониторинг «индекса страхов» россиян, осуществляемый ВЦИОМом [Индекс страхов. ВЦИОМ], виктимные опасения россиян вследствие криминогенной угрозы [Юдина, Фролова, Танатова, Долгорукова, Родимушкина, 2017]. В этих случаях выводы об уровне защищенности от угроз соотносятся с «выраженностью» показателя страхов, опасений, тревоги в отношении того или иного аспекта или вида безопасности.

Результаты обозначенных выше эмпирических исследований, безусловно, вносят существенный научный вклад в понимание феномена безопасности и позволяют выявить «болевые точки» в обществе, однако требуют углубленного изучения безопасности человека, **поиска критериев её субъективной оценки и взаимосвязанных с ней факторов на основе методологического аппарата социологии риска** по целому ряду причин.

В концептуальных рамках рискологии категорию безопасности рассматривают как «парную» по отношению к категориям, характеризующим меру опасности для социальных, экономических, технических и экологических систем, а именно: опасность, риск, вызов и угроза. Все эти категории являются производными от понятия ущерб (вред) и различаются по роли субъективного фактора в возникновении неблагоприятного результата. *Риск* мы определяем как возникающую в результате принятого решения (действия) вероятность ущерба при наличии реального источника неблагоприятного воздействия, недостаточной защищенности субъектов от него. Придерживаясь социологической методологии, базирующейся на деятельностном подходе, мы утверждаем, что именно вследствие человеческой деятельности происходит изменение уровня защищенности от воздействия негативных факторов, а значит, категория риска является наиболее адекватным «отражением» безопасности для социальных систем, а опасность, вызов и угроза в этом контексте представляют собой источники риска. В связи с этим, **субъективная оценка безопасности должна строиться в отношении факторов риска**. Важно подчеркнуть, что «страх» и «риск» являются взаимосвязанными, но не рядоположенными понятиями. Страх, опасения и тревоги могут указывать лишь на одну из возможных эмоциональных реакций на риск и быть достаточно чувствительным показателем в измерении тревожности, но не могут служить единственным критерием субъективной оценки безопасности, ибо в этом случае остаются за рамками реальные источники риска и уровень защищенности социальных субъектов от их воздействия.

Наша собственная исследовательская практика, направленная на расширение эмпирического представления о риске и безопасности, позволила зафиксировать целый ряд закономерностей, связанных с субъективной оценкой безопасности. Субъективная оценка безопасности базируется на приемлемом для субъекта уровне риска [Мозговая, 2008]. На оценку риска, а значит и на оценку безопасности, влияют жизненный опыт, ценностные ориентации, мировоззренческие особенности субъектов [Мозговая, Шлыкова, 2016], а также субъективная оценка защищенности от потенциальных ущербов, связанных с уровнем опасности среды [Шлыкова, 2017]. Субъективная оценка безопасности существенным образом различается для реальных и потенциальных рисков [Мозговая, Шлыкова, 2015]. Сконструированный нами расширенный для рискогенных сред показатель оценки безопасности позволил нам зафиксировать субъективный статус безопасности для среды с потенциальными рисками и наметить пути формирования комплексного показателя субъективной оценки безопасности человека [Шлыкова, 2018].

Эмпирический раздел статьи носит разведывательный характер, представляет собой апробацию оценки безопасности через субъективное её ощущение и попытку обоснования взаимосвязи этой оценки с наличием реальных повседневных рисков. Для этого определим *рейтинг реальных повседневных рисков*, с которыми взаимодействует население России, и обоснуем «вклад» каждого из них в субъективную оценку безопасности.

Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-ой волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН⁵⁰⁹. Выборка каждой волны репрезентирует население России⁵¹⁰.

Основой для интерпретации понятия «безопасность» нам послужила концепция «human security», обозначенная в Докладе Программы развития ООН (ПРООН) 1994 года [Отчет по человеческому развитию, 1994]. Несмотря на критику экспертов за предметную размытость границ как самой концепции, так и определения «human security», концепция безопасности человека стала стартовой точкой (1) переноса внимания с безопасности государств на безопасность людей; (2) в понимании взаимосвязи защищенности каждого человека с безопасностью всего общества; (3) в признании наличия постоянно действующих угроз и (4) расширила представления о возможных источниках угроз человеку в повседневной жизни, включив в перечень все уровни жизни социума, а также последствия принятых решений отдельными

⁵⁰⁹ Сайты обследования RLMS-HSE: [Russian Federation Longitudinal Monitoring Survey of HSE; Российский мониторинг экономического положения].

⁵¹⁰ Подробнее об особенностях выборки: [Модель выборки].

индивидами, группами или ответственными лицами [Половина, 2015]. Положения концепции нашли свое развитие в международном комбинированном показателе для сравнения стран по уровню благополучия – Индексе социального прогресса (Social Progress Index [Index to Action to Impac]).

Авторы концепции безопасности человека выделяют следующие основные типы безопасности: *экономическая* (гарантированный минимальный доход), *продовольственная* (физическая и экономическая доступность продуктов питания), *безопасность для здоровья* (относительная свобода от заболеваний и заражений, доступность квалифицированной медицинской помощи), *экологическая* (доступность чистой воды, воздуха, плодородной почвы), *личная* (свобода от физического насилия и угроз жизни), *политическая* (защита основных прав и свобод личности и возможности для их отстаивания).

В ходе разработки инструментария социологического опроса населения России приведенную выше типологию мы использовали как основу эмпирической интерпретации понятия «безопасность» и, учитывая современный этап развития общества, включили еще один тип безопасности – *информационную* – свободу от вредоносной информации, оказывающей деструктивное воздействие на психику людей. В рамках исследования безопасность интерпретировалась через реальные повседневные риски, подрывающие её статус (Таблица 1).

Таблица 1. Эмпирическая интерпретация понятия «безопасность»⁵¹¹

Тип безопасности	Эмпирические индикаторы (риски, нарушающие безопасность)
Экономическая	– нехватка средств на выживание
Продовольственная	– наличие в магазинах некачественных, вредных продуктов питания; – нехватка денег на качественные продукты
Безопасность для здоровья	– недоступность многих видов медицинского обслуживания; – врачебные ошибки; – отсутствие лекарств в аптеках
Экологическая	– загрязнение воздуха, питьевой воды; – свалки, вредные производства;
Личная	– ограбления, побои, уличное хулиганство; – домашнее насилие; – теракты или их последствия
Политическая	– ущемление прав по полу, возрасту; – проблемы из-за политических взглядов; – проблемы из-за религиозных убеждений; – проблемы, связанные с национальностью; – невозможность добиться справедливого судебного решения
Информационная	– недостоверная информация в СМИ; – навязывание через СМИ тех или иных убеждений

В ходе опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос, сталкивались ли они лично с тем или иным риском в течение года. Факт «столкновения» респондентов с рисками указывает на реальный характер этих рисков по каждому из

⁵¹¹ Мы придерживаемся классического определения *безопасности* как защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз и, отражая субъектную сторону, трактуем это понятие как состояние защищенности человека, формирующееся на уровне его самооценок.

рассматриваемых видов безопасности. Рейтинг реальных рисков построим по убыванию частоты «столкновения», наблюдаемой в год опроса (Таблица 2).

Таблица 2. Наличие (в % к ответившим) и рейтинг (по убыванию величины долей ответивших «сталкивался лично») реальных повседневных рисков населения России

Тип безопасности	Риск, нарушающий безопасность	Наличие реальных рисков		Рейтинг рисков
		Не сталкивался лично	Сталкивался лично	
Экономическая	Нехватка средств на выживание	65	35	V
Продовольственная	Наличие в магазинах некачественных, вредных продуктов питания	42,2	57,8	I
	Нехватка денег на качественные продукты	51,5	48,5	II
Безопасность для здоровья	Недоступность многих видов медицинского обслуживания	58,5	41,5	IV
	Врачебные ошибки	81,5	18,5	VII
	Отсутствие лекарств в аптеках	85,4	14,6	VIII
Экологическая	Загрязнение воздуха, питьевой воды	54,9	45,1	III
	Свалки, вредные производства	58,5	41,5	IV
Личная	Ограбления, побои, уличное хулиганство	95,8	4,2	IX
	Домашнее насилие	99	1	XII
	Теракты или их последствия	99,8	0,2	XV
Политическая	Ущемление прав по полу, возрасту	97,3	2,7	XI
	Проблемы из-за политических взглядов	99,2	0,8	XIII
	Проблемы из-за религиозных убеждений	99,4	0,6	XIV
	Проблемы, связанные с национальностью	99,4	0,6	XIV
	Невозможность добиться справедливого судебного решения	97,2	2,8	X
Информационная	Недостоверная информация в СМИ	76,4	23,6	VI
	Навязывание через СМИ тех или иных убеждений	73,6	26,4	V

В первую пятерку по частоте «столкновения» вошли реальные риски, нарушающие *продовольственную, экологическую, экономическую, информационную безопасность и безопасность для здоровья* населения России.

Для оценки субъективного ощущения безопасности в ходе исследования был задан вопрос: «В какой степени в данный момент Вашей жизни Вам не хватает ощущения безопасности?» В ходе анализа данных мы преобразовали пятибалльную

шкалу ответов в трехбалльную. Сумма ответов «хватает» и «скорее хватает» составляет признак «высокая субъективная оценка безопасности». Сумма ответов «не хватает» и «скорее не хватает» – «низкая субъективная оценка безопасности». Доли ответивших «мне это не нужно», а также затруднившихся и отказавшихся отвечать оказались статистически не значимыми, поэтому были исключены из дальнейшего анализа. Далее мы проанализировали, как факт «столкновения» с каждым из рассматриваемых реальных повседневных рисков⁵¹² связан с субъективной оценкой безопасности и построили рейтинг рисков по убыванию низкой оценки безопасности (Таблица 3): чем выше рейтинг, тем больше взаимосвязь этого риска с низкой субъективной оценкой безопасности.

Таблица 3. Взаимосвязь реальных повседневных рисков с уровнем субъективной оценки безопасности (в % к количеству столкнувшихся с каждым из рисков)

Тип безопасности	Риск, нарушающий безопасность	Субъективная оценка безопасности		Рейтинг рисков
		Высокая	Низкая	
Экономическая	Нехватка средств на выживание	35,8	64,2	XII
Продовольственная	Наличие в магазинах некачественных, вредных продуктов питания	37,8	62,2	XV
	Нехватка денег на качественные продукты	36	64	XIII
Безопасность для здоровья	Недоступность многих видов медицинского обслуживания	34,5	65,5	IX
	Врачебные ошибки	34,3	65,7	VIII
	Отсутствие лекарств в аптеках	35,7	64,3	XI
Экологическая	Загрязнение воздуха, питьевой воды	35,1	64,9	X
	Свалки, вредные производства	36,6	63,4	XIV
Личная	Ограбления, побои, уличное хулиганство	24,6	75,4	I
	Домашнее насилие	29,4	70,6	IV
Политическая	Ущемление прав по полу, возрасту	30,4	69,6	V
	Проблемы из-за политических взглядов	39,1	60,9	XVI
	Проблемы из-за религиозных убеждений	35,8	64,2	XII
	Проблемы, связанные с национальностью	29,2	70,8	III
	Невозможность добиться справедливого судебного решения	25,1	74,9	II
Информационная	Недостоверная информация в СМИ	32,7	67,3	VI
	Навязывание через СМИ тех или иных убеждений	33,3	66,7	VII

⁵¹² Доля столкнувшихся с терактами или их последствиями оказалась статистически не значимой, поэтому мы вынуждены исключить этот риск из дальнейшего анализа.

В первую пятерку рисков, связанных с низкой субъективной оценкой безопасности, попали риски, нарушающие *личную и политическую безопасность*.

Сопоставление рейтингов рисков, представленных в Таблицах 2 и 3, указывают на наличие специфической связи реальных повседневных рисков с субъективной оценкой безопасности: чем реже происходит «столкновение» с тем или иным риском, тем ниже субъективная оценка безопасности и, наоборот, чем чаще «столкновение», тем больше ощущается безопасность.

В соответствии с Индексом страхов, рассчитанным ВЦИОМ для соответствующего нашим данным периода времени, россияне сильнее всего опасаются возможных нарушений экономической безопасности (стали слишком дорогими или исчезли из продажи привычные товары, обесценились сбережения) и безопасности для здоровья (ухудшение здоровья, трудности с получением медицинской помощи, лекарств) [Индекс страхов. ВЦИОМ]. Сопоставление данных коллег с полученными нами и представленными выше результатами позволяет утверждать, что высокий уровень тревожности россияне испытывают в отношении тех возможных нарушений безопасности (рисков), с которыми чаще сталкиваются в повседневной жизни, а низкая субъективная оценка связана с «более редкими» рисками: то есть субъект может испытывать опасения или страх в отношении источника неблагоприятного воздействия, но при этом ощущать себя в безопасности. Результаты осуществленного в статье разведывательного анализа эмпирических данных, безусловно, требуют углубленного изучения и фундаментальных обоснований. Однако, мы можем сформулировать, как минимум две гипотезы, проверке которых планируем посвятить свою дальнейшую работу:

– высокие субъективные оценки безопасности в отношении часто встречающихся повседневных рисков могут свидетельствовать о более высоком уровне приемлемости этих рисков для населения России;

– высокие субъективные оценки безопасности в отношении часто встречающихся повседневных рисков могут свидетельствовать о более высоком уровне адаптированности населения России к ним.

Резюмируя, подчеркнем, что важнейшей практической задачей сегодня является преодоление государство-центричного взгляда на проблему безопасности и обеспечение баланса между национально-государственными интересами и интересами простых граждан в сфере безопасности, которые, безусловно, пересекаются, но могут не совпадать полностью. В связи с этим в исследования безопасности необходимо включать показатели, «отвечающие» за субъективную оценку, что позволит получать информацию о приоритетных факторах, нарушающих безопасность человека в обществе, дифференцировать группы и категории населения по уровню уязвимости, что в итоге приведет к повышению адресности мер, направленных на защиту граждан.

Поиск критериев субъективной оценки безопасности нам видится на базе междисциплинарного подхода, учитывающего разработки специалистов в области

психологии безопасности (личностные факторы оценки) и социологии риска (социальные факторы субъективной оценки). Конечная цель – разработка комплексного показателя субъективной оценки безопасности, компоненты которого максимально отражают все факторы, связанные с оценкой сложного многоаспектного феномена «безопасность человека».

В связи с вышесказанным актуальной научной задачей становится дальнейшее расширение эмпирического представления о субъективной оценке безопасности, направленное на обоснование необходимых и достаточных эмпирических индикаторов для включения их в комплексный показатель. Одним из таких индикаторов может стать субъективная оценка уровня безопасности, продуктивность которого мы продемонстрировали в разведывательном исследовании.

Библиографический список

Биктимирова З. З. Безопасность в концепции развития человека // *Общественные науки и современность.* 2002. № 6. С. 135–142.

Воробьёв Ю. Л., Малинецкий Г. Г., Махутов Н. А. Управление риском и устойчивое развитие. Человеческое измерение // *Общественные науки и современность.* 2000. № 6. С. 150–162.

Головаха Е. И., Панина Н. В., Горбачик А. П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // *Социология: 4М.* 1998. № 10. С. 45–71.

Зотова О. Ю. Актуальность разработки социально-психологических критериев безопасности личности // *Социальная политика и социология.* 2010. № 11. С. 243–254.

Зотова О. Ю. Особенности представлений россиян о безопасности // *Дискуссия: журнал научных публикаций.* 2014. № 9 (50). С. 76–85.

Зотова О. Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология.* 2011. № 4. С. 84–91.

Зотова О. Ю. Представления о безопасности россиян как индикатор психологического благополучия общества // *Интегративная перспектива в гуманитарных науках.* 2018. № 1. С. 41–46.

Индекс страхов. ВЦИОМ [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [веб-сайт]. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_strahov/ (дата обращения: 09. 04. 2020).

Козырева П. М., Смирнов А. И. (Без)опасный квартал: как оценивается уровень уличной преступности // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков – М. : Новый Хронограф, 2019. С. 454–477.*

Колесникова О. Н., Чуканова Т. В., Артюхина В. А. Социальное самочувствие и безопасность населения региона: некоторые результаты мониторингового исследования // *Вестник Алтайской науки.* 2015. № 1. С. 114–118.

Коньшев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2014. Т. 10. № 40 (277). С. 43–56.

Латова Н. В. Удовлетворенность жизнью: динамика и факторы // *Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2017. С. 76–97.*

Мозговая А. В. Риск как объект эмпирической социологии: исследовательский опыт, проблемы и перспективы // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 304–315.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. Москва: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 358–378.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Факторы формирования статуса безопасности в условиях острых и повседневных рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4. С. 52–73.

Модель выборки [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [веб-сайт]. URL: <https://www.hse.ru/org/hse/rlms/sample> (дата обращения: 09. 02. 2019).

Отчет по человеческому развитию 1994: Издан для Программы Развития Организации Объединенных Наций. Оксфорд Юниверсити Пресс, 1994. 226 с.

Половина Е. В. Проблема дефиниции концепции безопасности человека в документах ООН // Политика, государство и право. 2015. № 4 [Электронный ресурс] URL: <http://politika.snauka.ru/2015/04/2823> (дата обращения: 09. 02. 2019).

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [веб-сайт]. URL: <https://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 01.07.2020).

Пишдаток М. Р. Понятие безопасности личности в социальном знании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. № 1. С. 41–46.

Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М. : Альфа-М, 2009. 160 с.

Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискогенной среде // Социологический журнал. 2018. Том. 24. № 3. С. 56–75. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993>

Шлыкова Е. В. Социальное настроение молодежи в условиях повседневных рисков мегаполиса // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 395–418.

Юдина Т. Н., Фролова Е. В., Танатова Д. К., Долгорукова И. В., Родимушкина О. В. Безопасность личности и виктимные опасения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 1 (89). С. 114–127.

Index to Action to Impact [Электронный ресурс] // Social Progress Imperative: [веб-сайт]. URL: <https://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse> <https://www.socialprogress.org/> (дата обращения: 11. 04. 2020).

Russian Federation Longitudinal Monitoring Survey of HSE [Электронный ресурс] // RLMS-HSE: [веб-сайт]. URL: <https://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse> (дата обращения: 01.07.2020).